

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОПОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОПОГИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-1-88-111

УДК 336.2

**Амбивалентность как “зонтичная концепция”.
Размышления по поводу выхода в свет книги:
Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). 2022.
The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century
Economy: Cases from Russia and beyond.
London: UCL Press, 369 pages. Часть 1-я**

Владимир Александрович Давыденко¹, Елена Владимировна Андрианова²

¹ доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет, ORCID: 0000-0001-8389-4254
v.a.davydenko@utmn.ru

² кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ORCID: 0000-0002-7769-9206
e.v.andrianova@utmn.ru

Аннотация. Коллективная монография «Амбивалентность власти в экономике XXI века: примеры из России и других стран» под редакцией проф. В. В. Радаева и доц. З. В. Котельниковой, опубликованная издательством Лондонского университетского колледжа “UCL Press” и представленная для читателей в свободном доступе [32; 19], — это результат широкого сотрудничества исследователей из разных стран, городов России и исследовательских групп, ядром которого выступил научный коллектив «Лаборатории исследований экономической социологии Высшей школы экономики». Семнадцать статей рецензируемой книги построены вокруг метафоры «амбивалентность власти», которая как вводимая в оборот дефиниция претендует на субститут «политической амбивалентности». Этот термин был представлен и разработан в школе теорий «среднего радиуса действия» Роберта Мертона, и, как комментировали его ученики, дефиниция «амбивалентность» наряду с «иронией» являлись основой его «социологической мудрости». «Огромная любовь к фактам, которая должна быть у любого хорошего социолога, связана с осознанием того, что факты не говорят сами за себя. Роберт Мертон нашёл в иронии и амбивалентности правильные инструменты для преодоления непреодолимой дистанции между фактами и интерпретациями, между недостижимой объективностью и неизбежно личной точкой зрения исследователя, лежащей в основе его размышлений и научных построений» [28]. В рецензируемой книге продолжена эта конструктивная традиция и дана разработка концептуальной системы отсчёта для многих примеров «ограниченной рациональности» в формате «амбивалентности», выполненных путём постановки одного и того же набора вопросов в разнообразных ракурсах, что создало конструктивную парадигмальную основу для различных точек зрения и объектов изучения отдельными авторами. Критически подходить ко

всем подразделам книги, составляющим её теоретико-эмпирический каркас, надо подчеркнуть, что они заставляют задуматься о том, что базовый термин «амбивалентность власти», вероятнее всего, представляет собой дефиницию, отображающую некую «зонтичную концепцию» (“umbrella concept”), которая заключается в выпуске под одним брэндом «Лаборатории исследований экономической социологии Высшей школы экономики» НИУ ВШЭ сразу нескольких групп научных продуктов. Под логотипом НИУ ВШЭ уютно устроились представители различных научных направлений, чьи статьи отражают исследования на разных стадиях завершенности. Зонтичный подход придаёт новый импульс стратегии продвижения брэнда Лаборатории, к 15-летию которой приурочена рецензируемая книга. Оценивая работу критически, нужно отметить, что многие её статьи, создавая контексты возврата к прошлому из нашего настоящего, являются освежающе неортодоксальными по своей тональности и содержанию. Создается впечатление, что знаменитая новая экономическая социология рискует увязнуть в своих собственных анти-неоклассических ортодоксиях. На это указывает очевидное смешение понятий «амбивалентности», «оппортунизма» и «ограниченной рациональности», что заставляет нас вернуться к предтечам предлагаемой теоретической конструкции. Как всегда в коллекциях статей такого рода, выводы различаются по тематике и качеству, но вместе с тем в монографии имеется достаточно много действительно стимулирующих произведений с научным вызовом тем, кто интересуется вопросами, связывающими современную экономику с современным обществом. Для авторов является большой честью представить в научном журнале «Сибирский социум» данную критическую рецензию на эту уникальную коллективную монографию, которая является одной из самых значимых книг, изданных в последнее время в предметной области экономической социологии.

Ключевые слова: «амбивалентность», амбивалентность власти, зонтичный подход, ограниченная рациональность, иррациональность.

Цитирование: Давыденко А. В. Амбивалентность как “зонтичная концепция”. Размышления по поводу выхода в свет книги: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). 2022. The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond. London: UCL Press, 369 pages. Часть 1-я / А. В. Давыденко, Е. В. Андрианова // Siberian Socium. 2023. Том 7. № 1 (23). С. 88-111. DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-1-88-111

ВВЕДЕНИЕ

В научной области экономической социологии произошло ценное и важное событие: в 2022 г. в международном издательстве Лондонского университетского колледжа «UCL Press» вышло исследование «Амбивалентность власти в экономике XXI века: примеры из России и других стран» под редакцией В. В. Радаева и З. В. Котельниковой [32]. Для нас это большая честь, и мы очень рады представить в журнале «Сибирский социум» критическую рецензию на этот фундаментальный труд научно-исследовательского коллектива «Лаборатории исследований экономической социологии Высшей школы экономики», пятнадцатилетнему юбилею которой и посвящена коллективная монография.

В этой книге, базирующейся на подходах экономической социологии, политической экономии и психологии, авторы предприняли достаточно интересную и плодотворную попытку установить центральную роль идеи амбивалентности как фундаментального сочетания несовместимых альтернатив в действиях разнообразных акторов, которые должны вступать в экономические и другие типы взаимодействия. Опубликованные исследовательские статьи полезны для читателей как новыми направлениями исследований, порожденными введением сравнительно малоупотребительной в настоящее время дефиниции амбивалентности, так и эмпирическими выводами. Ключевая идея книги состоит в привнесении экономико-социологической методологии в исследование амбивалентности власти.

Сборник статей, представленный научной командой одного из ведущих экономических социологов мира В. В. Радаева, содержит впечатляющие, хорошо структурированные, удобные для прочтения и для понимания отчёты о наиболее интересных событиях «амбивалентности», создающих творческое напряжение между стремлением поразмыслить над природой современного мира и его проблемами, с одной стороны, и над теоретическими системами, посредством которых эти размышления обретают адекватные научные форматы, с другой. В сборнике представлено семнадцать эссе, каждое из которых написано для предлагаемого читателям авторского случая (кейса) амбивалентности, включающего разнообразное множество тем, примеров и соответствующих репрезентаций в научных дискурсах самого разного вида, посвящённых описанию и анализу двойственного или «амбивалентного» (“ambivalent”) характера властных взаимоотношений в современном обществе. Очевидная ментальная мощь и научная сила этой книги состоит в достаточно простых и в целом неусложнённых подходах авторов, которые предоставили как специалистам, так и непрофессионалам-читателям комплексные обзоры по темам, с помощью которых они сами могут продолжить свои собственные интеллектуальные поиски. Для авторов статьи большая честь представить в научном журнале «Сибирский социум» нашу критическую рецензию на эту уникальную коллективную монографию, которая является одной из самых значимых книг, изданных в последнее время в предметной области экономической социологии. В первом номере «Сибирского социума» в 2023 г. на суд читателей предлагается 1-я часть нашей рецензии, во втором — 2-я её часть.

ПОЧЕМУ ТЕРМИН «АМБИВАЛЕНТНОСТЬ» СТАЛ ВНОВЬ АКТУАЛЬНЫМ?

Ответ на этот вопрос — в каждой из семнадцати статей, предложенных читателям в рецензируемой монографии. Тематика амбивалентности в этой книге берёт своё начало в ранних работах Алёны Леденёвой по неформальной экономике

и благу [25; 23], откуда родилась дефиниция «субстантивной амбивалентности» (“substantive ambivalence”; иные переводы термина: содержательная, существенная, самостоятельная амбивалентность), которая изначально «базировалась на сети типологии неформальных услуг». Эта идея исходила из возможности дифференциации по масштабу и отражала такие виды амбивалентности, как функциональная (functional) и аттитюдная (attitudinal) (отношенческая) [22, с. 1]. Следуя введённой в оборот типизации амбивалентности, она посчитала, что «существует двойственное отношение (attitudinal ambivalence) как со стороны отдельных лиц, так и со стороны правительств, которые полагаются на экономию услуг, но также и отрицают своё участие, критикуют эту экономию услуг, но также и принимают их» [22, с. 1]. Алёна Леденёва — не только редактор и автор рецензируемой научной монографии, она и редактор двухтомника по неформальной экономике [37; 38], что говорит о её высоком научном авторитете, и она заслуженно представляет саму идею амбивалентности в современной экономической социологии.

В кратком вступлении редакторов новой серии “FRINGE ” (англ. акроним из терминов “Fluidity, Resistance, Invisibility, Neutrality, Grey zones and Elusiveness”, означающих текучесть, сопротивление, невидимость, нейтралитет, серые зоны и неуловимость) Алёны Леденёвой (Alena Ledeneva) и Питера Зуси (Peter Zusi) заявлено, что данная серия представляет собой новую платформу для «междисциплинарного анализа» и «развития региональных исследований без границ». Ставится задача изучить «возникающие серые зоны между властью и экономикой в современном государственном капитализме с точки зрения амбивалентности», которая «укоренилась в социальных ролях, отношениях и нормах, порождающих колеблющееся поведение; и хотя амбивалентность можно свести к минимуму или временно устранить, полностью устранить её невозможно». Отмечается, что «возрастающая сложность современного мира требует адекватных концептуальных инструментов, чтобы охватить эти сложные контексты и сместить

фокус исследования со статических социальных структур на социальные процессы их постоянного изменения». Отмечено, что «в то же время амбивалентные практики, многие из которых носят неформальный характер, заполняют важнейшие пробелы, позволяющие воспроизводить режимы власти и поддерживать их легитимность» [24]. Тем самым был задан концептуальный вектор для этой новой научной серии. В «*Предисловии*» Алёна Леденёва приводит обзор идей из научной литературы по амбивалентности, формулирует концепцию всей книги, акцентируя внимание на том, что «в контексте современности амбивалентность ассоциируется с фрагментарностью и неуправляемостью, иными словами, со слепыми зонами власти» (“blind spots of power”) [21]. Это, конечно, дискуссионное высказывание, сильные и слабые стороны которого развёрнуто обсуждаются в нашей критической рецензии.

Во «*Введении*» вдохновители и редакторы этого коллективного труда Зоя Котельникова и Вадим Радаев ставят ребром «основной вопрос амбивалентности»: «Как взаимно обусловлены власть и экономика в современном государственном капитализме?» [20, с. 1]. Они фиксируют и часто обсуждаемые «основные» вопросы: почему объединение (союз) власти и экономики содержит в себе так много амбивалентностей; почему правительства и действующие лица (incumbent actors), доминирующие в организационных сферах, встроены во многие амбивалентные практики; в чём состоит амбивалентная природа власти, колеблющаяся между конфликтом и сотрудничеством, частным и общественным, глобальным и локальным, формальным и неформальным, что именно происходит «в разных типах экономики», представляемой с эмпирической точки зрения; почему «амбивалентность так множественна, включая различные отношения между государством и многими субъектами рынка, рыночными продавцами и конечными потребителями, меж- и внутрифирменные связи, трудовые отношения вне и внутри фирмы» [20, с. 1–3]. Если задать «основной вопрос социологии» в редакции Никласа Лумана: «Что происходит и что за этим кроется?» [27, с. 3], то,

отвечая на него полностью, с «изучением самого наблюдателя», в своей стилистике постановки и решения социологических задач, Вадим Радаев и Зоя Котельникова представили описание амбивалентной природы власти. Они представили новые кейсы тематических исследований по странам мира с различными политическими и экономическими режимами власти, критически оценили концепции власти и управления на макро-, мезо- и микроуровнях, включая и междисциплинарные подходы. Они обосновали главный аргумент своей книги, состоящий в том, что в современной экономике власть сильно переплетена с многочисленными амбивалентными практиками на самых различных уровнях общества. В *первой части* книги показано, как акторы политическая власть и экономическое управление тесно связаны на *макроуровне*, и главные кейсы касаются того, как именно концентрация и децентрализация власти стимулируют разные траектории экономического развития. Во *второй части* книги выявлено, какими способами происходит борьба за власть на *мезоуровне*, включая цепочки поставок, трудовые отношения, внештатную экономику, арендное жильё, отрасли природных ресурсов, здравоохранение, высшее образование, влияние на частное и государственное, глобальное и локальное, формальное и неформальное. Вопросам *микроуровня* посвящена *третья часть* книги, в которой ответы плотно сопряжены с используемыми людьми личными стратегиями, включая противостояние доминирующим порядкам и оспариванию их, подготовку альтернативных проектов решений и действий, исследование шансов и возможностей в целях обретения и укрепления своей собственной автономии [20, с. 9].

Во *второй главе* книги: «Взаимосвязь между экономической свободой и демократией: на примере посткоммунистических стран» польский экономист Марек Домбровский (Marek Dąbrowski), специалист мирового уровня по безопасности государственных финансов [4], выявил и показал сложные взаимосвязи между экономической свободой и демократией на репрезентативных выборках многих стран с приме-

нением различных индексов: глобальных оценок свободы (Freedom House's Global Freedom Scores, FHGFS), трансформации Фонда Бертельсмана (Bertelsmann Foundation's Transformation Index, BTI) и демократии подразделения экономической разведки экономиста (Economist Economic Intelligence Unit's Democracy Index, EEIUDI) на кейсах более 30 стран мира в динамике 1994–2018 гг. [14]. Применяя в своём исследовании аналитические инструменты, подкрепленные простым статистическим и корреляционным анализом, Марек Домбровски показал, как используются методологические и количественные подходы межстранового сравнения на уровне синтетической макрооценки качественных характеристик экономических политических систем. Его анализ подтвердил наличие взаимозависимости между качеством управления экономики и системами политической власти, которые работают в двух направлениях: экономическая свобода, основанная на рыночном механизме, помогает демократии и политической свободе, и наоборот [14, с. 16–17]. Марек Домбровски установил, что административно подавленные экономики с искажёнными рыночными механизмами чаще встречаются в странах с авторитарной системой политической власти, в то время как авторитарный дрейф в политической системе обычно приводит к усилению институциональных и структурных искажений, к снижению конкуренции и «неблагоразумной» макроэкономической политике. По его мнению, одно из главных объяснений такой взаимозависимости относится именно к амбивалентному характеру политической власти, которая, если её аккуратно не сдерживать, становится «движущей силой частных интересов правящей элиты» [14, с. 31].

В третьей главе «Ловушки погони за рентой: альтернативные механизмы сбора ресурсной ренты в России и Венесуэле» Алексей Победоносцев чётко обнажил подводные камни «погони за рентой» в этих двух нефтедобывающих странах. Из противоречивого характера ресурсной ренты, которая является одновременно и источником власти, и серьёзной угрозой её удержанию происходит сама «амбивалентность власти». Несмотря

на многие общие черты, Россия и Венесуэла демонстрируют различные модели распределения ресурсной ренты. Государственные лидеры этих стран в начале 2000-х гг. реализовали две разные стратегии изъятия ресурсной ренты. Ключевое различие между ними состояло в той процентной доле от её общего объёма, которую каждое правительство фиксировало и затем преобразовывало в свой доход. Если в России почти все нефтедоллары, собираемые федеральным правительством, поступают в государственный бюджет, и при этом 60-70% общей ресурсной ренты преобразуется в бюджетные доходы, то в Венесуэле только 10–15% нефтяной ренты, собираемой центральным правительством, попадало в государственный бюджет [30, с. 39–40]. Это важное различие между Россией и Венесуэлой на первый взгляд может вызвать недоверие: обе эти страны национализировали нефтяную промышленность с помощью мощных нефтяных компаний, теоретически национализированная модель нефтяной промышленности позволяет государству получать все доходы от добычи. Иначе говоря, Россия и Венесуэла должны иметь схожие схемы сбора ресурсной ренты. Однако экономическая статистика показала, что правительство Венесуэлы превращало менее значительный процент от общей ресурсной ренты в государственный доход, чем можно было ожидать [30, с. 39–40]. Апеллируя к истории Венесуэлы, отметим, что за 1999–2013 гг. президентства Уго Чавеса, страна столкнулась с классическими проявлениями ресурсного проклятия: эрозии самого государства, ослабления государственного потенциала и институтов, экономическими проблемами. Венесуэльская государственность никогда и не была особенно сильной: даже в 1970-х и 1980-х гг., во время «золотого века» венесуэльской экономики, её политические и государственные институты не были эффективными. В конце жизни Уго Чавеса качество государственного потенциала Венесуэлы настолько ухудшилось, что государство больше не могло быть эффективным оператором социальных программ, не могло гарантировать контроль над сбором и распределением нефтяной ренты. Понимание слабости своей власти под-

толкнуло Уго Чавеса к делегированию функций оператора социальных программ негосударственным субъектам, таким как боливарианские круги и компания PDVSA. Сменивший Уго Чавеса на посту президента Николас Мадуро не смог удержать политическую ситуацию, она стала «нестабильной»: спад экономики, рост уровня бедности и инфляции, товарный дефицит, рост убийств на душу населения, обвинения в коррупции высших чинов власти. Предоставление президенту чрезвычайных полномочий и его прославление пропагандистскими кампаниями подверглись жёсткой критике. Государственный долг Венесуэлы в 2013 г. составил 70% от ВВП, дефицит бюджета — 13%. В 2014–2015 гг. экономическое положение Венесуэлы ещё сильнее ухудшилось, что было связано с падением мировых цен на нефть, основной экспортный товар страны. Инфляция в 2016 г. составила 181%, боливар девальвировался на 37%. Национальная ассамблея Венесуэлы проголосовала 25 октября 2016 г. за импичмент Николасу Мадуро. Однако он посетил Ватикан, где встретился с папой римским Франциском, из тюрьмы выпущены пять оппозиционных политиков, оппозиция отказалась от марша протеста, процедура импичмента была приостановлена. 9 января 2017 г. большинство депутатов Национальной Ассамблеи Венесуэлы снова проголосовали за импичмент и назначение новых выборов. Но на другой день Верховный Суд Венесуэлы признал решение парламента антиконституционным и заявил, что парламент не сможет сместить президента с должности 20 мая 2018 г. В итоге Николас Мадуро был переизбран на пост главы Венесуэлы на период 2019–2025 гг., получив 67,8% голосов [7]. Таким образом, на примере Венесуэлы мы наглядно увидели, как амбивалентность власти в стране-экспортере нефти проявляется в том, что нефтяная рента является одновременно источником власти и серьёзной угрозой её сохранению. Сравнительный анализ ловушек погони за рентой России и Венесуэлы иллюстрирует её амбивалентность в обеих странах. Объединяет то, что их лидеры извлекли все политические преимущества от высоких цен на нефть в 2000-х гг. и использо-

вали все сверхдоходы для максимизации своей власти, хотя оба режима столкнулись с экономическими и политическими рисками, которые могли привести к размыванию институтов этих стран и перегреву их экономик. Для их лидеров бум цен на нефть был не только «манной небесной», но и серьёзным риском, который они должны были минимизировать, чтобы выжить политически [30, с. 54]. На наш взгляд, всё, описанное здесь, сейчас (март 2023 г.) особенно актуально как для Венесуэлы, так и для России, в контекстах новой глобальной реальности [1]. Сравнительный анализ ловушек погони за рентой в России и в Венесуэле на многочисленных эмпирических данных, которые привёл Алексей Победоносцев, чётко и ясно иллюстрирует все признаки властной амбивалентности ресурсной ренты. Главный вывод автора второй главы в том, что Россия и Венесуэла, столкнувшись с «парадоксом изобилия» или по-другому с «ресурсным проклятием», подтвердили ту закономерность, что зависимость от дешёвых природных ресурсов укрепляет власть в среднесрочной перспективе, но имеет тенденцию подрывать её в долгосрочной [30, с. 55]. Область и науки, и практики погони за рентой (англ. *rent-seeking*), когда люди и фирмы становятся богатыми не столько из-за конструктивных предпринимательских идей, а благодаря своей власти, подтвердила свои выводы на практике.

Четвертая глава монографии «Противоречия централизации: четыре модели взаимодействия российских сельских сообществ с государством и агробизнесом» была написана специалистами мирового уровня по сельским территориям и их межстрановому развитию А. Никулиным и А. Куракиным. Они объясняют неравномерное развитие сельских территорий в России через призму амбивалентных отношений власти, обращаясь к теме реальных противоречий сельских сообществ, возникающих как между ними, так и крупными агрохолдингами и централизацией ветвей власти. Наблюдая всё это в динамике по соответствующим показателям, А. Никулин и А. Куракин сделали выводы о том, что аграрный капитал ушёл в плодородные

зоны с благоприятным климатом; сельские территории, ранее получавшие субсидии, явно страдают от недостатка инвестиций. Главный упор авторы делают на анализ детерминант, влияющих на развитие самой сельской местности, а не просто сельских производств, справедливо указывая, что с социальной точки зрения сельская территория является местом проживания с необходимой для жизнедеятельности людей инфраструктурой, шансами и возможностями для работы. Авторы доказали, что степени как концентрации власти, так и её децентрализации являются инструментальным измерением всех властных отношений, что помогает адекватно объяснять противоречия в развитии сельских районов. Нужно согласиться с их ключевым выводом о том, что концентрация власти в экономических отношениях приводит к концентрации труда, земли и капитала в руках одного актора или однородной группы субъектов и в итоге, как ни странно, ещё к деградации сельской территории [29, с. 59–60]. Почти к аналогичным концептуальным и практическим итогам приходим и мы в наших книгах и статьях по тематике сельских территорий (например: Институциональные факторы 2022 [5]; Давыденко и др. 2020 [3]; и другие работы по этой теме научной команды социологов Тюменского государственного университета).

В пятой главе рецензируемой книги «Легитимация инноваций: пример технологии искусственного интеллекта (AI) для распознавания лиц», которую написал специалист по рынкам искусственного интеллекта Леонид Янович Косалс, показано, что в настоящее время дефиниция «амбивалентные воздействия» (англ. *ambivalent impacts*) в предметной области исследований социальных наук актуальна во многих сферах, включая искусственный интеллект (англ. *artificial intelligence, AI*). Это подтверждается публикациями, в которых всё чаще методология социологии становится полем новых экспериментов для технологий, зримо трансформирующих общество, политику и экономику, начиная от использования новых цифровых навыков и специализированных роботов в повседневной жизни, на работе и в быту, до автоматизированных технологий

будущего и этики ведения войны [39, с. 3]. Отметим, что коллеги Л. Я. Косалса по данной тематике Свен Кессельринг и Кэролин Шеунвольф отслеживали социальные конструкции автоматизированной мобильности и искусственного интеллекта AI с точки зрения «амбивалентных мест политики» и установили, что в этом контексте отмечается трансформация социальных миров и основ социального взаимодействия, коммуникации и мобильности, проникающих и в бизнес, и в повседневную жизнь. Само появление искусственного интеллекта в сфере мобильности и транспорта обусловлено «рефлексивной модернизацией» [11] и «столь же серьёзно, как Большой взрыв, часто с ней ассоциируемый» [17, с. 172]. Л. Я. Косалс, в отличие от указанных авторов, изучает легитимации инноваций, их влияние на общество, на базовые ценности новых технологий AI. Он изучает в основном «тёмную сторону инноваций» (англ. *dark side of innovation*), в то время как искусственный интеллект (AI) считает её «светлой стороной» (англ. *side of the innovation*). Идентифицируя и обозначая исследуемую проблему как амбивалентное соотношение прагматической и моральной легитимности, где первая легко может быть достигнута без второй, что связано с угрозой нанесения разнобразного вреда общественным целям и ценностям, Л. Я. Косалс замечает, что социальная амбивалентность — это всегда неотъемлемая часть и одновременно побочный продукт любых инноваций. Он показывает, что амбивалентность власти снижает эффективность любых социальных механизмов и провоцирует негативные социальные эффекты, особенно когда сильные акторы принципиально стремятся пролоббировать технологические инновации с «незаконной легитимностью». Л. Я. Косалс дал свой ответ на «очень старый вопрос»: «Почему в одних социально-экономических условиях инновации процветают, а в других — тормозятся или вовсе останавливаются?» Его ответ состоит в том, что распространение инновации (технологий искусственного интеллекта AI) целиком зависит от её легитимации: если они легитимны («не вызывают вопросы»), то социальные взаимодействия

акторов способствуют ускорению их разработок и распространения; а если этого нет, то возникают социальные барьеры, которые усложняют и останавливают их распространение [18, с. 86]. Например, в Москве есть чёрный рынок предложений доступа к системе распознавания лиц. Любому, кто готов заплатить 200–300 долларов США, может быть предоставлен ограниченный онлайн-доступ к системе распознавания лиц с целью отслеживания своего конкурента по бизнесу, жёну или мужа. В России были поданы иски против этих технологий на основании нарушений прав человека. Однако все решения судов были направлены против истцов [18, с. 92]. Отмечая социокультурный слой в развитии инноваций с амбивалентной точки зрения, крупный австралийский учёный Даниэль Лог видит социальные инновации как современное проявление напряженности между экономикой и обществом в стремлении к прогрессу в экономической и социальной сферах, и выдал три подхода для оценки социальных инноваций: их толкование как создание, распределение и захват социальной ценности; их понимание как многозначных смыслов; их оценку как институциональных изменений [26]. В этом контексте Л. Косалс придал новый импульс интерпретации социально-экономических наук в русле легитимации инноваций.

В *шестой главе* «Власть несоблюдения: межфирменный оппортунизм на российских потребительских рынках» Вадим Радаев исследует в основном «тёмную сторону» — но уже не инноваций, а межфирменного сотрудничества, сопряжённые с амбивалентными отношениями между переговорной силой рыночных продавцов и практикой нарушения контрактов. В эмпирической части текст шестой главы основан на опросах 2200 ритейлеров и их поставщиков, проведенных в пяти крупных российских городах, в которых хорошо развиты современные форматы розничной торговли, — в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Тюмени и Новосибирске, в 2013, 2016 и 2019 гг. В выборку вошли крупные компании (28,4%), а также средние и малые предприятия (71,6%), в том числе отечественные и иностранные компании, работающие

в России. Были задействованы три отрасли: бакалея (1257 менеджеров), бытовая электроника (388 менеджеров), текстильная и швейная промышленность (559 менеджеров). Были также рассмотрены различные типы цепочек поставок. Бакалейные товары, текстиль и одежда относятся к товарным цепочкам, ориентированным на покупателя, в которых розничные торговцы обычно обладают большей переговорной силой, тогда как бытовая электроника представляет собой товарную цепочку, ориентированную на производителя, в которой поставщики могут иметь большее влияние. Данные собраны в ходе трёх последовательных стандартизированных обследований. В общей сложности в ходе личных собеседований анкеты заполнили 2 204 менеджера. Опросы были проведены в 2013 г. с участием 843 менеджеров, включая 424 розничных торговца и 419 поставщиков, в 2016 г. с участием 684 менеджеров (339 розничных торговцев и 345 поставщиков) и в 2019 г. с участием 677 менеджеров (340 розничных торговцев и 337 поставщиков) [31, с. 106–107]. Представляя данные своих опросов, В. Радаев справедливо замечает, что понимание амбивалентности особенно важно для отношений в «маркетинговых каналах» (англ. channel relationships) между ритейлерами и поставщиками, которые одновременно содержат в себе противоположные элементы, включая сотрудничество и конкуренцию, автономию и взаимозависимость, стремление к преемственности и изменениям, лояльность к старым партнёрам и поиск новых связей, а также соблюдение правил и отклонение от этих правил. Амбивалентность может быть уменьшена путем переговоров и соблюдения существующих правил, но не может быть устранена полностью. Межфирменные отношения всегда содержат некоторую напряженность, подкрепленную наличием альтернатив, например, возможности смены партнера. Все отношения по маркетинговым каналам содержат сильные элементы власти, которые также амбивалентны по своей природе, сочетая в себе намерения следовать собственным интересам путем подчинения своих партнёров и необходимость поддерживать

стабильные отношения и избегать конфликтов, которые могут их разрушить. Текущие властные отношения не могут ограничиваться безоговорочным господством или подчинением и в значительной степени основаны на обоюдной взаимозависимости [31, с. 102]. Текст шестой главы В. Радаева демонстрирует достойное продолжение предыдущего его захватывающего научного романа в тематике экономического поведения различных участников розничного рынка, в котором выяснялся ответ на всё тот же сакральный вопрос: «Кому принадлежит власть?» [8]. В той книге был представлен замечательный экономико-социологический анализ проблем рыночного поведения: прихода глобальных розничных сетей в Россию, легализации розничной торговли, обобщения их главных тенденций в 1990–2010-е гг., включая появление основных игроков, новых торговых форматов и сопряжённых с ними новых рыночных отношений. Были даны ответы на очень важные вопросы: «Злоупотребляют или нет розничные сети своей властью?»; «Как формируются новые правила на рынке?»; «Как, помимо ценового механизма, регулируются действия их участников?»; «Как они конституируются их структурными связями, институциональными формами, властными иерархиями и культурными конструкциями?» [8, с. 16]. В шестой главе последней по времени выхода монографии подчёркиваются «новые ответы на старые вопросы», в которых теперь делается главный упор на «межфирменное оппортунистическое поведение» (англ. *inter-firm opportunistic behaviour*). Оно было обозначено новой научной метафорой: проявлениями «власти несоблюдения» (англ. *power of non-compliance*) в целом вообще или «несоблюдение договорных условий» (англ. *fail to comply with the rules*) как осуществление своей власти слабыми участниками рынка [31, с. 104]. Возможно, это и есть «тёмные стороны амбивалентности» (англ. *dark sides of ambivalence*). В своих более ранних книгах по потребительским рынкам в качестве теоретических конструктов В. Радаев использовал понятие «организационного поля» (англ. *organizational field*), которое в содержательном значении было

сопряжено с практической логикой действия, символическим, экономическим и другими видами капитала, которые разработал Пьер Бурдьё [13] и удачно применили Пол Ди Маджио и Уолтер Пауэлл [15]. Нил Флигстин и Дуг МакАдам, в свою очередь, предложили конструктивную гипотезу, что социальные изменения и социальные порядки можно понимать с точки зрения организационных полей, когда они идентифицируются как «стратегические поля действия» (англ. *strategic fields of action*), в качестве «строительных блоков политической и экономической жизни, гражданского общества и государства», и являются «фундаментальной формой порядка в нашем современном мире» [16, с. 5]. В. Радаев попытался по-своему концептуализировать эти «поля» как пространства стратегических действий, в которых акторы взаимодействуют друг с другом на основе общего, хотя и не обязательно согласованного, понимания. Акторы стремятся укрепить своё положение, воспроизводя статус-кво или выступая в качестве посредников между разрозненными группами. Действующие лица (акторы) и претенденты постоянно соперничают за преимущество, а членство меняется в зависимости от поставленных задач. В. Радаев опирается на теорию оппортунизма, где в качестве исходных посылок остаются уровень конкуренции в отрасли как важнейший фактор давления внешней среды и продолжительность отношений как критический фактор диадного процесса. Он также использует переменные, характеризующие оба аспекта власти: эффекты рыночной власти в диадных отношениях между партнёрами по маркетинговому каналу постфактум (*ex post*) и эффекты политической власти, возникающие в итоговом результате взаимодействия компаний с государственными институтами. Исследуя конфликты отношений между партнёрами по разным каналам из-за нарушения деловых контрактов, изучаются поведенческие эффекты оппортунизма. На эмпирическом уровне межфирменный оппортунизм прослеживался в период с 2013 по 2019 г. среди розничных продавцов и поставщиков в таких потребительских отраслях, как бакалея, бытовая электроника,

текстиль и одежда. Основными вопросами научных изысканий были такие: «Какова частота межфирменного оппортунизма в отношении явных нарушений договорных условий?»; «Каковы движущие факторы оппортунизма и как они меняются со временем?»; «Есть ли различия в склонности к оппортунизму в разных потребительских отраслях?» [31, с. 104]. Автор продолжил классификации социальных связей по их силе, которые проходят сквозной нитью сквозь разные книги по ритейлу прошлых лет на основе теоретических схем концептуализации рыночного процесса в ритейле и использования ценных наблюдений за реальным поведением рыночных игроков. С помощью бинарной логистической модели изучается зависимость переменных от различных параметров рынка, базирующаяся на оценках коэффициентов модели наличия нарушения договора (англ. *breach of business contract*) деловыми партнерами в течение двух лет до начала опроса как дихотомическую зависимую переменную («Да» / «Нет»). Были оценены коэффициенты линейной регрессии с процентом торговых партнеров, нарушающих контракты, в качестве зависимой переменной. Кроме того, давление внешней конкуренции измерялось как предполагаемый уровень конкуренции по определенному типу продукта в данной области (высокий против умеренного или низкого), где внутренние / технологические факторы включали продолжительность отношений, измеряемую в процентах от числа партнеров по каналам сбыта розничных торговцев или поставщиков, которые работали с опрошенной фирмой более пяти лет [31, с. 109]. Данные показали, что межфирменный оппортунизм по-прежнему распространен в исследованных отраслях. Выяснилось также, что в различных российских потребительских отраслях межфирменный оппортунизм со временем немного усилился. Анализ поведенческих переменных показал, что нарушение контракта положительно связано с наличием поведенческих паттернов, которые означают явные оппортунистические действия, такие как предоставление искаженной информации, нарушение норм отношений. Было также изучено множество

предшественников межфирменного оппортунизма, связанных с внешними факторами и диадическими отношениями в рыночных каналах. Особый акцент ставился на продолжительности отношений и рыночной власти партнеров по маркетинговому каналу. Было обнаружено, что установление долгосрочных устойчивых отношений снижает уровень межфирменного оппортунизма. Как наличие, так и процент партнеров по каналу, нарушающих свои договорные обязательства, оказывали прямое и устойчивое положительное влияние на возникновение конфликтов в их отношениях. На вероятность конфликтов в отношениях также существенно влияли уровень рыночной конкуренции как элемент внешней среды и уровень переговорной силы партнеров как элемент диадного процесса. Это подтвердило то, что власть, которой обладает один из партнеров по каналу, может влиять на наличие и уровень конфликта [31, с. 115–117]. Критически осмысливая указанные фрагменты и итоги анализируемой главы, нужно отметить, что всё это довольно-таки тривиальные выводы и по своей структуре они похожи на механистические выводы одиннадцатилетней давности. Тогда было обнаружено, что сила социальных связей (которые были классифицированы по степени их распространения, множественности их типов (видов) и их интенсивности) мало зависит от размера фирмы, но с увеличением плотности рыночной ниши или усилением конкуренции социальные связи становятся более интенсивными [8, с. 228–229]. Было обнаружено, что социальные связи более характерны для поставщиков, чем для розничных сетей. И чем крупнее поставщики, тем больше общее число их партнёров (среди которых преобладают мелкие и средние ритейлеры) [8, с. 135]. Однако, в этом старом высказывании заложена очень простая логика: чем крупнее поставщики, тем больше у них партнёров и наоборот. Суждения типа «чем крупнее фирмы, тем менее развиты социальные связи» несут в себе мало смысла, если не уточняется, каково предназначение данных связей. В шестой главе монографии В. Радаев попытался операционализировать подобные

нарративы, ссылаясь на авторитет китайских учёных под руководством Вентинга Чжу и его коллег. Они выявили, что при неопределённом спросе и при возможности обеспечения юридической силы и социальных связей при совместном их рассмотрении относительную значимость имеют два посреднических процесса, которые имеют политические и деловые типы социальных связей. В частности, политические связи способствуют повышению эффективности фирмы, главным образом за счёт ограничения оппортунизма поставщиков, когда юридическая возможность применения слаба, тогда как способность к рыночной адаптации оказывает более сильный опосредующий эффект на связь между деловыми связями и ростом эффективности работы фирмы. Политические связи могут оказать положительное влияние, сдерживая оппортунизм партнеров по каналу в случае, когда неопределённость спроса высока [41, с. 226]. На основе этого теоретического китайского нарратива В. Радаев строит свою гипотезу о том, что принадлежность фирм к государственным учреждениям снижает оппортунизм со стороны партнёров по каналу [31, с. 115–117]. Это высказывание (гипотеза № 4), на наш взгляд, очевидно, логично и достаточно тривиально, и по идее, должно легко подтверждаться любыми репрезентативно собранными данными. Однако В. Радаев пишет, что «принадлежность (аффилированность) к государственным учреждениям не оказала существенного влияния на оппортунистическое поведение партнеров канала» и гипотеза № 4 в итоге по его данным не подтвердилась [31, с. 112]. На наш взгляд, или данные неправильные, или с логикой не всё в порядке. Выглядит очень странным, что «эта гипотеза не подтвердилась», потому что её «неподтверждение» явно противоречит здравому смыслу и хорошо известным российским предпринимательским практикам. Например, в случаях, когда представители политической власти и особенно силовые структуры «кошмарят бизнес». Так, по мнению профессора кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, д-ра юридических наук Николая Кадникова,

«предпринимательство в Российской Федерации носит весьма специфический характер. Это особая сфера деятельности, предприниматели постоянно рискуют «прогореть» либо «получить срок», или, опасаясь за свою или жизнь своих близких, вынуждены отдавать бизнес» ... «возникает вопрос, кошмарят или не кошмарят бизнес, если да, то кто в этом заинтересован, если нет, то почему не в полной мере выполняются требования закона, рекомендации руководства страны? Возможно, на определенных уровнях властной вертикали чиновники находятся в плену стереотипов, не могут преодолеть негативного отношения к предпринимателям, хотя многие специалисты называют в качестве причины коррупции. Нельзя забывать, что предприниматели действуют на свой страх и риск, получая от государства минимальную помощь и всё новые и новые налоги, ужесточение контроля, а в последние годы усиление репрессии с применением уголовно-правовых норм» [6, с. 127, 133]. На наш взгляд, приведённая цитата достаточно реалистично отражает отношения между властью и бизнесом и опровергает многие выводы В. Радаева. Многослойные полотна многозначных табличных данных и сопряжённые с ними графики бинарных регрессий, конечно, привлекают внимание, особенно молодых любопытных непрофессионалов. Но когда внимательно начинаешь вдумываться в смысл фраз В. Радаева типа «более высокий уровень конкуренции создает давление на рынке и увеличивает вероятность нарушения контракта» [31, с. 112], то начинаешь отчётливо понимать, что здесь что-то не в порядке. Суждения такого типа вообще имеют мало смысла, если не уточняется, каковы исследуемые типы конкуренции и каково предназначение изучаемых социальных связей в их конфигурации. На наш взгляд, недостатком анализа надо признать слишком абстрактный характер его исходной теоретической архитектоники, лежащих в их основе, дефицита полноценной операционализации и соответствующих им логического итога, что в результате приводит к банальным и даже неверным выводам, расходящимся с объективной и субъективной социальными реальностями.

Конструктивным было бы, на наш взгляд, построение такой социально-экономической теории, которая началась бы с рассмотрения моделей мотивации фирм — зачем им создавать социальные связи различного типа, какими способами и почему они могут воспроизводиться, развиваться или деградировать? Всё написанное выше — это в значительной степени наш субъективный взгляд на серьёзную главу в коллективной монографии, являющуюся плодом многолетних усилий одного из ведущих мировых авторов по экономической социологии. Во второй части нашей рецензии в подразделе «Обсуждение и дискуссия» мы постараемся критически проанализировать наиболее явные нестыковки и неувязки по исходным определениям ключевой дефиниции амбивалентности как таковой и амбивалентности власти в частности.

В *седьмой главе* «Враждебный надзор в организациях: власть, зависимость и голос сотрудников в трудовых отношениях», которую представила Евгения Балабанова, идентифицируются проблемы власти в организациях в контексте дефиниции «строгости начальника». Анализ организаций через призму власти имеет давние научные традиции в экономико-социологической теории, в производственных отношениях, менеджменте и маркетинге, что позволяет изучать процессы, посредством которых элитные группы приобретают и сохраняют свои преимущества как внутри организаций, так и вне их, а также механизмы распределения и потребления ценных социальных ресурсов. Седьмая глава написана как продолжение проблематики развиваемого её автором «враждебного» поведения руководителя (англ. *abusive supervision*) [2] и базируется на теории функциональной и мотивационной амбивалентности власти в организациях [10, с. 123]. Как и у Л. Косалса, В. Радаева и многих других авторов этой монографии текст главы сфокусирован в основном на «тёмных сторонах» амбивалентности, а предметом изучения стала «управленческая власть» (англ. *managerial power*). Е. Балабанова задалась целью оценить результаты своего исследования «враждебного поведения» руководителя с подчинёнными, которое с точки зрения

организации, по сути, всегда является контрпродуктивным, деструктивным и разрушительным. Она представила предметную область «жёсткого надзора» и тёмные стороны амбивалентности как отрицательный пример «социально-психологического насилия» (англ. *socio-psychological violence*), главные форматы которого идентифицируют роли «пассивной жертвы» (англ. *passive victim*). Здесь бытуют регулярные практики давления, угнетения, унижения, притеснения подчинённых, проявлений к ним оскорбительного отношения и грубого вмешательства в их «личное пространство» (англ. *personal spaces*). Важно то, что Е. Балабанова разработала концепт функциональной амбивалентности спектра властных преимуществ, имеющих в распоряжении руководителей, и показала, каким образом злоупотребление властью менеджерами приводит к усилению «стратегий голоса» (англ. *strategies of the voice*) со стороны зависимых сотрудников вместо ожидаемой от них лояльности и послушания, которые являются целью управленческих усилий. Обращаясь к аргументам теории социального обмена, согласно которым преимущества власти проистекают из наличия ценных и дефицитных ресурсов, без которых другие социальные акторы не смогут обойтись и которые они будут не в состоянии получить из альтернативного источника, Е. Балабанова на реальных примерах показывает, что злоупотребление властью со стороны руководителей обычно претендует на абсолютный контроль над работниками и требует от них только беспрекословного подчинения. Негативные аспекты управленческой власти трактуются в контексте классического афоризма Беннетт Теппер: «оскорбительный надзор (*abusive supervision*) относится к восприятию подчинёнными степени, в которой начальники постоянно демонстрируют враждебное вербальное и невербальное поведение, за исключением физического контакта» [36, с. 178]. Это определение характеризует оскорбительный надзор как некую субъективную оценку. Один и тот же человек может рассматривать поведение начальника как оскорбительное в одном контексте и как не оскорбительное в другом, а два под-

чиненных могут по-разному оценивать поведение одного и того же начальника. Е. Балабанова, следуя в фарватере идеи Б. Теппер, реалистично описывает, как жестокий надзор приводит к целому спектру дисфункциональных результатов на всех уровнях: индивидуальном (дистресс, эмоциональное выгорание, уход в себя), командном (падение продуктивности работы) и организационном (атмосфера враждебности и недоверия, низкий моральный дух сотрудников). Исходя из этой логики, жестокий надзор она считает возможным признавать как пример «мотивационной амбивалентности власти»: он декларируется как средство поддержания порядка на рабочем месте и роста продуктивности, но на самом деле такой жёсткий надзор часто используется для укрепления личной власти менеджеров и для маскировки отсутствия навыков эффективного лидерства. Б. Теппер достаточно давно идентифицировала ключевые проявления жестокого надзора: это «публичная критика, громкие и гневные вспышки гнева, грубость, необдуманные действия и принуждение» [36, с. 179] исключительно по психологическим причинам. Е. Балабанова продолжила эту «чисто психологическую» линию и зримо показала, что многие современные отечественные проявления жестокого надзора довольно часто можно встретить с принуждением к исполнению рутинной и неквалифицированной работы, игнорированием своего мнения и инициатив, критикой в оскорбительной форме в присутствии коллег, обманом со стороны руководителей. Такого типа «очень нехорошее» поведение руководителей респонденты связывают с демонстрацией его личной власти и дефицитом коммуникативных навыков начальника. Полностью признавая, что рецензируемая нами статья служит одним из лучших показательных примеров теоретико-эмпирического подхода в экономической социологии, считаем нужным отметить, что представляемый концепт жестокого надзора Е. Балабанова, как абсолютно все психологи, сводит к «чертам личности» [10, с. 122, 127], забывая о важности социального контекста, который реально детерминирует поведение любого человека, начальника или под-

чинённого. В качестве альтернативного подхода к этой проблеме можно было бы предложить ключевые идеи теории самодетерминации психологов Ричарда Райана и Эдварда Деси, которые, не будучи «чистыми» социологами, в исследованиях различают типы мотивации по континууму от контролируемой до автономной переменных и осмысливают, как социально-контекстные факторы (англ. social-contextual factors) поддерживают либо мешают процветанию (англ. thriving) людей через удовлетворение их базовых потребностей в «компетентности, взаимосвязи и автономии» (англ. competence, relatedness and autonomy). На наш взгляд, эти компоненты более чётко высвечивают «тёмные стороны» амбивалентности в организации, а их теория самодетерминации, которая специально исходит из предположений о том, что люди эволюционировали только потому, что они «были изначально любопытными, физически активными и глубоко социальными существами» [33, с. 3], — намного сильнее и жёстче описывает реальные компоненты «враждебного» поведения руководителя. Поиски «тёмных сторон» высокой значимости компонентов модели личности руководителя для формирования желательных для организации установок и видов продуктивного поведения — очень увлекательное занятие, но надо учитывать, что отпечатанные в американских тестах модели психологической науки без чётких процедур российской операционализации и верификации, очень мало подходят для изучения амбивалентности власти в отношениях «начальник — подчинённый» на современных отечественных предприятиях.

В восьмой главе «За пределами государства и цифровых платформ: (ин)- формализации ((in) formalization) внештатных контрактов в России» А. Шевчук и Д. Стребков написали главу об амбивалентности в отношениях между фрилансерами, работающими на разных платформах, и их клиентами. Авторы объяснили, что стороны часто не заключают контракт из-за низкой цены на сложные услуги или срочности работы; кроме того, нередко заказчик и подрядчик живут в разных странах и регионах, поэтому платформы

предлагают свои собственные варианты регулирования безрисковых сделок и иные инструменты страхования. А. Шевчук и Д. Стребков показали, как цифровые платформы, претендующие на организацию гиг-экономики (англ. *gig-economy*) — работы по запросу при посредничестве цифровых платформ, подчиняют себе всё большее число онлайн-фрилансеров и как они пытаются заменить государство в регулировании расширения новых рынков труда. С появлением новых цифровых технологий отличительной чертой современной экономики стали такие рынки труда, на которых поставщики, самостоятельно занятые независимые профессионалы-фрилансеры, выходят на клиентов не из форматов электронной почты, а на специальных онлайн-платформах, биржах удалённой работы. Новички используют эти биржи, чтобы получить первые заказы и застраховать свои сделки, опытные исполнители заключают сильные контракты, в то время как большинство внештатных работников заключают просто устные сделки, и рынок остаётся в итоге «неформализованным». Социальное регулирование новой модели гиг-экономики выходит за рамки бюрократических иерархий и стандартных трудовых отношений, что делает его актуальным социально-экономическим и академическим вопросом. Как доказали авторы в своих предыдущих работах, опыт сетевого фриланса, согласно данным зарегистрированных пользователей на крупных русскоязычных биржах, приобрели несколько миллионов человек [35; 9]. Различные модели гиг-экономики могут формировать конкретные конфигурации и амбивалентность власти. Авторы показали, каким образом двойственный характер заключения внештатных контрактов и онлайн-работы подрывает монопольное влияние цифровых платформ и выводит за их пределы очень большое количество транзакций. Свидетельства того, что многие транзакции происходят за пределами платформ, указывают на то, что все пользователи (фрилансеры и клиенты) имеют финансовые стимулы обходить платформы и заключать контракты напрямую с целью избегания уплаты комиссий веб-сайтам. Опираясь на наборы «длинных данных»,

состоящих из четырёх волн опроса российских фрилансеров, собранных в 2009–2019 гг., авторы проливают свет на то, как именно фрилансеры заключают соглашения с клиентами. Авторы восьмой главы использовали данные исследовательского проекта «Российский фриланс-опрос», который проводился на ведущей русскоязычной платформе для онлайн-работы FL.ru, рассматриваемой как площадка целевой аудитории. Выборка предполагала, что вне зависимости от того, зарегистрированы ли фрилансеры на других подобных платформах, они, как правило, используют самую крупную и развитую инфраструктуру для фрилансеров в русскоязычном интернете, представленном FL.ru. Для набора участников администраторы FL.ru рассылали электронные письма с приглашением заполнить анкеты, рекламировали опросы в социальных сетях, не предлагая и не предусматривая каких-либо поощрений для участников этого проекта. Вопреки распространённому мнению, что неформальность в основном связана с традиционными секторами и простыми технологиями, исследование А. Шевчука и Д. Стребкова показывает, почему, как и для кого неформальность процветает в цифровой экономике фриланса. Внештатные контракты являются неформальными во многих отношениях и во многих отраслях. Это мелкомасштабная, в основном индивидуальная деятельность, выходящая за рамки формальных организационных структур. Она неформальна ещё и потому, что существует в тени государственного регулирования и контроля; государственные органы мало знают об этом секторе и не могут эффективно облагать его налогом. Фрилансеры редко полагаются на официальные / формальные договоренности и предпочитают неофициальные / неформальные соглашения. Те фрилансеры, которые всё же заключают юридические контракты, одновременно с большей вероятностью полагаются на свои социальные сети для получения проектов. Это означает, что данная группа фрилансеров обладает намного большими общими ресурсами, о чем свидетельствует как человеческий, так и социальный капитал. В то же время начинающие, неопытные и частично заня-

тые фрилансеры склонны заключать контракты на небольшие проекты с удаленными клиентами (в том числе из-за рубежа) через платформы. Это может свидетельствовать о том, что платформы важны для новичков, которым не хватает человеческого и социального капитала и которые вовлечены в междугородние (в том числе транснациональные) транзакции [35, с. 16–17]. Нужно согласиться с фундаментальными выводами авторов восьмой главы монографии в том, что на протяжении многих лет государство фактически игнорировало новый феномен работы на платформе фриланса, создавая регулятивную лакуну без законодательных указаний и прагматичных административных решений. Трудовое законодательство в России непоследовательно и неполно по многим вопросам, социальная защита самозанятых работников в России неосуществима, а суды придерживаются очень формальных подходов в трудовых спорах. Российское правительство предприняло несколько — довольно неудачных — попыток бороться с неформальной экономикой путем введения льготных налоговых режимов для самозанятых лиц. Анализируемое исследование подводит к очевидным выводам о том, что российское государство фокусируется в основном на налоговых вопросах и уделяет очень мало внимания другим аспектам самозанятости и работы на IT-платформах [34, с. 151–152].

В *девятой главе* «Борьба за власть и качественное строительство на рынке муниципального арендного жилья в Швеции» Елена Богданова рассматривает двойственность практик по ремонту жилья в этой стране. Термин «шведский социализм» давно не звучал в российской научной повестке, тем интереснее и полезнее было узнать, что происходит там сейчас. Как объясняет автор главы, в период с 1963 по 1973 г. шведское правительство осуществляло программу «Миллион домов», целью которой было обеспечение всех доступным современным жильем. Массовое строительство промышленных сборных домов началось в 1961 г., и период до 1975 г. назван «рекордными годами». Около половины объектов принадлежало муниципальным жилищным компаниям. Эта рекордная волна строительства

была в значительной степени субсидирована государственными займами, и арендная плата не отражала полные затраты на строительство. Как считает Е. Богданова, эмпирически амбивалентность проявляется в двух областях: во-первых, в одновременном расширении прав и возможностей жильцов при принятии своих решений, во-вторых, в противоречивых способах определения «качества» и «стандартов» жилья. Автор девятой главы анализирует, как именно повышение «стандарта» и представление его как «более качественного» жилья дало жилищным компаниям Швеции основания для значительного повышения арендной платы, и, таким образом, её внимание сосредоточено на том, как арендаторы пытались противостоять «роскошному» ремонту своих съёмных квартир. Она показывает свой эмпирический кейс участия общественности в проекте реконструкции жилья в Гётеборге. Жилищная политика Швеции является ярким примером того, как частичная либерализация создаёт условия для двойственного отношения сил на этом рынке. Муниципальное жильё понимается как «общественное благо», муниципальные компании — как «компании, производящие общественные блага». Из этих дефиниций видно, что только попытки ввести рыночные отношения в общественное достояние приводят к «амбивалентности власти» в жилищной сфере в Швеции. Любое муниципальное жильё — это институциональный режим функционирования, с особыми правилами игры разных групп интересов, социальными нормами, государственными и частными стратегиями. По мнению автора, сектор государственного арендного жилья в Швеции подвергся сильной маркетизации, сегодня он излишне неолиберализован. На сегодняшний день шведский жилищный рынок состоит из двух сосуществующих политических режимов, которые взаимно проникают друг в друга, с сильной регуляцией власти, когда гибридизация приводит к двойственному структурному положению участников рынка жилья: муниципальные компании несут ответственность за создание и поддержку жилья как общественного блага, однако они обязаны действовать как фирмы,

ориентированные на получение прибыли [12, с. 171–172]. Е. Богданова подчёркивает наличие непростой дилеммы в качестве амбивалентности власти муниципального и частного рынков, когда арендная плата переопределяется посредством коллективных переговоров между собственниками (владельцами) недвижимости и союзом арендаторов. Эти переговоры организуются в рамках «системы потребительской стоимости» (швед. *bruksvardesystemet*), означающей, что минимальные уровни арендной платы в муниципальном жилье также влияют на возможные уровни арендной платы в частном секторе, который основан на договоре между владельцем и союзом арендаторов. Потребительская ценность квартиры определяется многими характеристиками: её размером, планировкой, размещением внутри здания, модернизацией, звукоизоляцией, стандартом ремонта. Доступ к складскому помещению, лифту, прачечной, канализационной трубе, гаражу, автостоянке и обслуживанию может увеличить «потребительскую ценность квартиры» (швед. *sveriges domstolar*). Наличие или отсутствие одной из этих функций в конкретном здании определяет его «стандарт», и соответствующая себестоимость отражается в будущей цене арендной платы. В то время как противоречивый и амбивалентный процесс консультаций строителей с арендаторами основан на идее о том, что они имеют право участвовать в принятии решений о своем будущем жилье, однако, разделяя вопросы во времени (прошлое и будущее) и содержания (внутренняя отделка и оборудование), жилищные компании ограничивают шансы и возможности арендаторов выносить суждения о качестве самой постройки. Арендаторы часто отстранены от целого ряда ключевых решений, включая оборудование (трубы, электричество, вода). Арендаторы выбирают выгодную стратегию повторного открытия «дырявых чёрных ящиков» (англ. *leaky black boxes*), под которыми понимается вскрытие замалчиваемых проблем сидящими в них макроакторов, которые защищают свою власть тем, что они «технические» вопросы намеренно выводят из общего внимания или переносят в области обсуждения, выходящие

за рамки повестки дня, установленной управляющей компанией. В отношении строительства и реконструкции зданий концепт повторного открытия «дырявых чёрных ящиков» служит научной метафорой, реально работающей для любого эмпирического анализа: детали и нюансы о водопроводе, вентиляции, экономических расчетах издержек строителей являются изначально «чёрными ящиками»; вскрыть их — это важная задача всех арендаторов. По мнению Е. Богдановой, арендаторы относятся к «долгу» как к категории, поддающейся исчислению, и вместо того, чтобы сидеть в упакованном макроакторами «чёрном ящике», они стремятся и стандарт, и качество жилья «переквалифицировать» именно в то, что для них поддается исчислению, и пытаются предотвратить повышение стандартов, переключая внимание со стандарта на качество. Ссылаясь на двойственную позицию компаний как поставщиков общественных благ, арендаторы переводят дискуссию в область прав человека, организуя протесты против «чёрных ящиков». Попытки обсудить текущие проекты реновации часто проваливались, потому что арендаторы переключали разговор на «долги за реновацию», другие старые проблемы, общую ситуацию на рынке аренды и политические решения. Важно подчеркнуть, что представленные Е. Богдановой эмпирические сюжеты шведского строительства жилья имеют сильную теоретическую экономико-социологическую подноготную: оценка качества услуг в ситуации неопределенности является одной из центральных проблем рыночной координации, наряду с конкуренцией и сотрудничеством. В области социологии рынков считается, что успех такой оценки возможен, когда рыночные агенты разделяют устойчивые взаимные ожидания, которые ранее сформированы социально-экономическими, институциональными и социокультурными макроструктурами, куда встроены сами рынки. Проблема качества и стандарта жилья в этой главе связана с властными позициями разных заинтересованных сторон. Они «конструируют» и «деконструируют» качество, казалось бы, стандартизированных продуктов, поэтому их позиции двойственны. Арендаторам приходит-

ся принимать оценочные решения в ситуациях неопределенного качества и цены, зная, что их выбор может повлиять на арендную плату, тем самым пытаясь заново конструктивно открыть «дырявые чёрные ящики», демонстрируя высокую ответственность местных коммун (шведских муниципалитетов) [12, с. 175, 186]. Е. Богданова доказала, что старый брэнд шведского социализма плавно перешёл в новый брэнд — в «скандинавскую экономическую модель», когда она стала строить новую экономику, основанную на прагматизме и индивидуализме.

В *десятой главе* «Частная власть в регулировании рынков: динамика влияния в отношении свободного предварительного и осознанного согласия в лесном хозяйстве и нефтяная промышленность России» руководитель направления по экологической социологии М. Тысячнюк и её соавторы фокусируются на теории сетей, генерирующих управление (англ. *governance generating network*), для объяснения смены власти в процессе взаимодействия акторов, включающих глобальные институты, гражданское общество и сети компаний, в целях содействия внедрению стандартов устойчивого развития в России. В этой главе анализируется динамика влияния, связанная с введением добровольного предварительного и осознанного согласия (англ. *prior and informed consent*) в российскую институциональную и организационную среды при сертификации лесным попечительским советом (англ. *Forest Stewardship Council*) и в нефтяном секторе. Авторами поясняется действие глобально разработанных частных инструментов, применяемых локально, в контекстах изменчивых, динамичных и частично детерриторизованных сообществ. Наличие сильных нормативных определений интерпретируется акторами как тип власти, принуждающей к соблюдению норм, одновременно представляющей власть для коренных и местных сообществ, обеспечивающей механизмы усиления их прав. Теория сетей, генерирующих управление, служит полезной линзой для анализа развития глобальных стандартов, которые действуют в динамичных и разнообразных сетях в различных масштабах.

Её основные компоненты — это узлы проектирования глобального управления, в которых разрабатываются глобальные политики и стандарты; переговорные форумы, где заинтересованные стороны разрабатывают и модифицируют стандарты; и места внедрения, где глобальные стандарты трансформируются в практику. Посредством переговорных форумов на различных уровнях все акторы преследуют свои интересы и стремятся к компромиссу. Борьба за власть и переговоры определяют механизмы формирования конструктивных реальных результатов, который позволяет институционализировать и внедрять новые правила как на глобальном, так и на местном уровнях [40, с. 187–193]. На эмпирическом уровне были использованы качественные углубленные полуструктурированные интервью, наблюдение за участниками и анализ документов в лесном и нефтяном секторах — ввиду наличия общего требования предварительного добровольного и осознанного согласия в принятии стандарта сертификации, хотя и при различиях в участии частных органов власти. В лесном секторе глобальные стандарты в отношении прав коренных народов являются частью системы сертификации, в то время как в нефтяном секторе они являются частью требований к прямым иностранным инвестициям и глобальным обязательствам транснациональных корпораций. Различия в управлении со стороны частных властей определяют различия в динамике власти. Представлено межотраслевое сравнение усилий частных субъектов по внедрению стандартов сертификации для лесного и нефтяного бизнеса в России с акцентом на взаимодействие глобальных, национальных и местных субъектов в его реализации. Авторы дают ответы на вопросы о том, какова динамика власти между глобальными и местными акторами в управлении добычей ресурсов; как борьба за власть заинтересованных сторон влияет на адаптацию мировых стандартов к российской институциональной и организационной среде; в какой степени глобальные стандарты влияют на права коренных народов в России; создает ли амбивалентность власти как непоследовательное поведение акто-

ров разных уровней, возникающее в результате расхождений норм в рамках общей институциональной среды, проблемы для реализации стандартов сертификации. Авторы десятой главы в деталях отвечают на все эти очень сложные практические и теоретические вопросы. Борьба за власть, которая раскрыта в этой главе, включает в себя сложную динамику акторов разных масштабов. Ситуации в конкретных случаях реализации стандартов сертификации зависят

от истории рыночных кампаний и коренных народов, простирающихся от мест реализации до глобальных узлов проектирования и дизайна. Кейсы, описанные в этой главе, касаются не только амбивалентности власти, связанной с сосуществованием противоположных властных сил, технологий, гражданского общества, но и снятием сильных напряжённостей между международными и национальными форумами для переговоров на всех уровнях [40, с. 213].

(Продолжение следует во 2-м номере Сибирского социума 2023 г.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова Е. В. Риски продовольственной безопасности в контекстах новой глобальной реальности / Е. В. Андрианова, В. А. Давыденко, Ю. В. Ушакова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 6–66. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-6-66
2. Балабанова Е. С. «Враждебное» поведение руководителя: проявления, предпосылки и последствия / Е. С. Балабанова, М. Э. Боровик, В. Э. Деминская // Российский журнал менеджмента. 2018. Том 16 (3). С. 309-336.
3. Давыденко В. А. Развитие сельских территорий в Уральском федеральном округе: современные воспроизводственные практики / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, Е. П. Данилова, Ю. В. Ушакова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6, № 4. С. 28-70.
4. Домбровски М. Факторы, определяющие «безопасный» уровень государственной задолженности / М. Домбровски. К XV Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1-4 апр. 2014 г. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 52 с.
5. Институциональные факторы и социальные форматы развития сельских территорий: монография / Е. В. Андрианова, В. А. Давыденко, Е. П. Данилова [и др.]; науч. ред. В. А. Давыденко; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. 388 с.
6. Кадников Н. Г. К вопросу о том, «кошмарят» ли бизнес в России / Н. Г. Кадников // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 127-133. DOI 10.24411/2414-3995-2019-10228
7. Николас Мадуро вступил в должность президента Венесуэлы. ТАСС от 10 января 2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5987000> (дата обращения 14.03.2023)
8. Радаев В. В. Кому принадлежит власть на потребительских рынках: отношения розничных сетей и поставщиков в современной России / В. В. Радаев. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. 383 с.
9. Стребков Д. О. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости / Д. О. Стребков, А. В. Шевчук. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 527 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1
10. Balabanova E. Abusive supervision in organizations: Power, dependency and employee voice in labour relations / E. Balabanova. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), 2022. Pp. 122–145.

11. Beck U. The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypotheses and Research Programme / U. Beck, W. Bonss, C. Lau // *Theory, Culture & Society*. 2003. Vol. 20. No 2. Pp. 1–34. DOI 10.1177/0263276403020002001
12. Bogdanova E. Power struggles and quality construction in the market for municipal rental housing in Sweden / E. Bogdanova. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), 2022. Pp. 171–187.
13. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice* / P. Bourdieu. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 249 p.
14. Dąbrowski M. Interdependency of political power and economic governance: A macro perspective / M. Dąbrowski. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), 2022. Pp. 14–35.
15. DiMaggio P. J. *The new institutionalism in organizational analysis* / P. J. DiMaggio, W. W. Powell. Chicago Press 1 edition, 1991. 486 p.
16. Fligstein N. *A Theory of Fields* / N. Fligstein, D. McAdam. Oxford University Press 1 edition, 2012. 256 p.
17. Kesselring S. Ambivalent places of politics: the social construction of certainties in automated mobilities and artificial intelligence / S. Kesselring, C. Schonewolf. In: *The Routledge Social Science Handbook of artificial intelligence AI*. Routledge 1st edition, 2021. Pp 172–187.
18. Kosals L. Legitimation of innovation: The case of AI technology for facial recognition / L. Kosals. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), 2022. Pp. 80–101.
19. Kotelnikova Z. How brand holders have deprived counterfeiting of legitimacy in Russia since the early 2000s / Z. Kotelnikova. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), 2022. Pp. 217-236. [Kotelnikova 2022]
20. Kotelnikova Z. Introduction / Z. Kotelnikova, V. Radaev. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), 2022. Pp. 1–13.
21. Ledeneva A. Ambivalence: practices, patterns and particles of power / A. Ledeneva. V. Radaev, Z. Kotelnikova, (eds). 2022. *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), 2022. Pp. 20–25.
22. Ledeneva A. *Beyond Russia's Economy of Favours: The Role of Ambivalence* / A. Ledeneva. UCL: Centre for European Politics, Security and Integration. 2014. 40 p.
23. Ledeneva A. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange* / A. Ledeneva. Cambridge and New York: Cambridge University Press. 256 p.
24. Ledeneva A. Series Editors' Foreword / A. Ledeneva, P.Zusi. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), 2022. Pp. 18–20.
25. Ledeneva Alena V. Practices of Exchange and Networking in Russia / A. V. Ledeneva // *Soziale Welt*. 1997. No 48(2). Pp. 151–170.
26. Logue D. *Theories of Social Innovation*. / D. Logue. Edward Elgar, 2020. 192 p.
27. Luhmann N. «Was ist der Fall? » und «Was steckt dahinter? » Die zwei Soziologien und die Gesellschaftstheorie / N. Luhmann // *Zeitschrift für Soziologie*. 1993. No.22. Pp. 245–260.
28. Merton K. R. *Robert K. Merton and Contemporary Sociology* / R. K. Merton. By C. Mongardini, S. Tabboni (eds.). Location New York. Imprint Routledge, 2018. 330 p.
29. Nikulin A. Contradictions of centralization: Four models of interaction between Russian rural communities and government and agribusiness / A. Nikulin, A. Kurakin. *The Ambivalence of power in the twenty-first-century economy: Cases from Russia and beyond*. London: UCL Press, 2022. Pp. 58–79.

30. Pobedonostsev A. The pitfalls of rent-seeking: Alternative mechanisms of resource rent collection in Russia and Venezuela / A. Pobedonostsev, Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), 2022. Pp. 31–58.
31. Radaev V. The power of non-compliance: Inter-firm opportunism in Russian consumer markets / V. Radaev. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). 2022. *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), 2022. Pp. 102–121.
32. Radaev V. *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond* / V. Radaev, Z. Kotelnikova. London: UCL Press, 2022. 369 p.
33. Ryan R. M. *Self-Determination Theory Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness* / R. M. Ryan, E. L. Deci. The Guilford Press. 769 p.
34. Shevchuk A. Beyond the state and digital platforms: (In)formalization of freelance contracting in Russia / A. Shevchuk, D. Strebkov. London: University College London Press, 2022. 369 p.
35. Shevchuk A. *Freelance Platform Work in Russia, 2009-2019* / A. Shevchuk, D Strebkov // ILO Working Paper. No 38.
36. Tepper J. B. Consequences of abusive supervision / Tepper B. J. // *Academy of Management Journal*. 2000. No 43 (2). Pp. 178–190.
37. *The Global Encyclopaedia of Informality, Volume 1: Towards Understanding of Social and Cultural Complexity* / edited by A. Ledeneva, A. Bailey, Sh. Barron, C. Curro, E. Teague. London: UCL Press, 2018. 464 p.
38. *The Global Encyclopaedia of Informality: Understanding Social and Cultural Complexity. Volume 2* / edited by A. Ledeneva. London: UCL Press, 2018.
39. *The Routledge Social Science Handbook of artificial intelligence* / edited by A. Elliott. Routledge, 2022.
40. Tysiachniouk M. S. Private authority in regulating markets: Power dynamics around free prior and informed consent (FPIC) in forestry and the oil industry in Russia. / M. S. Tysiachniouk, S. Teitelbaum, A. N. Petrov, L. S. Horowitz, V. Radaev, and Z. Kotelnikova, (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), 2022. Pp. 188–216.
41. Wenting Zh. Social ties and firm performance: The mediating effect of adaptive capability and supplier opportunism / Zh. Wenting, S. Su and Zh. Shou // *Journal of Business Research*. No 78. Pp. 226–232.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-1-88-111

UDC 336.2

Ambivalence as an “umbrella concept”. Reflections on the publication of the book: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). 2022. The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond. London: UCL Press, 369 pages. Part 1

Vladimir A. Davydenko¹, Elena V. Andrianova²

¹ Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Research Center, University of Tyumen (Tyumen, Russia), ORCID: 0000-0001-8389-4254, v.a.davydenko@utmn.ru

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Head of Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen (Tyumen, Russia); Senior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russia), ORCID: 0000-0002-7769-9206 e.v.andrianova@utmn.ru

Abstract. Collective monograph “Ambivalence of power in the economy of the XXI century: examples from Russia and other countries” edited by Prof. V.V. Radaev and assoc. Z. Kotelnikova, published by University College London “UCL Press” and is available to the readers in free access [32; 19] - is the result of extensive collaboration of researchers from various countries the world, Russian cities and research groups, the core of which was the research team of the Laboratory of Economic Sociology Research of the Higher School of Economics. Seventeen articles of the reviewed book are built around the metaphor “ambivalence of power,” which, as an introductory definition, claims to be a substitute for “political ambivalence. The term was introduced and developed in Robert Merton’s school of “middle-range” theories, and as his students commented, the definition of “ambivalence” along with “irony” is the basis of his “sociological wisdom. “The great love for facts that any good sociologist should have is connected with the realization that facts do not speak for themselves. Robert Merton found in irony and ambivalence the right tools to overcome the insurmountable distance between facts and interpretations, between unattainable objectivity and the inevitably personal point of view of the researcher underlying his reflections and scientific constructions” [28]. The book under review continues this constructive tradition and develops a conceptual frame of reference for many examples of “bounded rationality” in the format of “ambivalence”, made by posing the same set of questions from various angles, which created a constructive paradigm basis for various mental points of view and objects of study by individual authors. Taking a critical approach to all the subsections of the book that make up its theoretical and empirical framework, it should be emphasized that they make one think that the basic term “ambivalence of power” is most likely a definition that reflects some kind of “umbrella concept” (“umbrella concept”), which consists in the release under one brand of NRU HSE has several groups of scientific products at once, when representatives of various interests are comfortably ensconced under one “umbrella” with a demonstration of its logo, even if, in the end, some of the articles do not convince us completely of its integrity and completeness. The “umbrella approach” gives a new impetus to the brand promotion strategy of the “Laboratory for Research in Economic Sociology of the Higher School of Economics”, to the 15th

anniversary of which the reviewed book is timed. Speaking critically, it should be noted that many of her articles are refreshingly unorthodox in their tone and content, creating contexts of returning to the past from our present. It seems that the famous new economic sociology is at risk of getting bogged down in its own anti-neoclassical orthodoxies. This is indicated by the obvious confusion of the concepts of “ambivalence”, “opportunism” and “limited rationality”, which forces us to return to the forerunners of the proposed theoretical construction. As always in collections of articles of this kind, the conclusions differ in subject matter and quality, but at the same time there are quite a lot of really stimulating works in the monograph with a scientific challenge to satisfy anyone who is interested in issues linking the modern economy with modern society. It is a great honor for the authors of the article to present in the scientific journal “Siberian Society” our critical review of this unique collective monograph, which is one of the most significant books published recently in the subject area of economic sociology.

Keywords: “ambivalence”, ambivalence of power, “umbrella approach”, limited rationality, irrationality.

Citation: Davydenko V. A., Andrianova E. V. 2023. “Green practices versus urban practices: content analysis of the regional press of the Tyumen region” // *Siberian Socium*, vol. 7, no. 1 (23), pp. 88-111
DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-1-88-111

REFERENCES

1. Andrianova E. V., Davydenko V. A., Ushakova YU. V. 2022. “Riski prodovol’sstvennoy bezopasnosti v kontekstakh novoy global’noy real’nosti” [Food security risks in the context of the new global reality]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial’no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, vol. 8, no 2 (30), pp. 6-66. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-6-66
2. Balabanova E. S., Borovik M. E., Deminskaya V. E. 2018. “Vrazhdebnoe” povedenie rukovoditelya: proyavleniya, predposylki i posledstviya” [“Hostile” behavior of the manager: manifestations, recommendations and consequences]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta*, vol. 16, no 2, pp. 309–336.
3. Davydenko V. A., Andrianova E. V., Danilova E. P., Ushakova Yu. V. 2020. “Razvitie sel’skikh territoriy v Ural’skom federal’nom okruge: sovremennyye vosproizvodstvennyye praktiki” [Rural development in the Ural Federal District: modern reproductive practices]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial’no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, vol. 6, no 4, pp. 28–70.
4. Dombrovski M. 2014. “Faktory, opredelyayushchie «bezopasnyy» uroven’ gosudarstvennoy zadolzhennosti” [Factors determining the “safe” level of public debt]. To the XV April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development (1-4 April 2014, Russia, Moscow), pp. 52. M.: Izdatel’skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.
5. Andrianova E. V., Davydenko V. A., Danilova E. P., Ovechkin D. V., Pecherkina I. F., Romashkina G.F., Ushakova Yu. V., Khudyakova M.V., Khudyakova Yu. 2022. “Institutsional’nye faktory i sotsial’nye formaty razvitiya sel’skikh territoriy: monografiya” [Institutional factors and social formats of rural development: monograph]. Tyumen: TyumGU-Press.
6. Kadnikov N. G. 2019. “K voprosu o tom, “koshmaryat” li biznes v Rossii” [To the question of whether business in Russia is “a nightmare”]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, no 4, pp. 127–133.
7. Nikolas Maduro vstupil v dolzhnost’ prezidenta Venesuely. TASS ot 10 yanvarya 2019. [Nicolas Maduro took office as the ‘president of Venezuela. TASS from January 10, 2019.] Accessed at <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5987000>
8. Radaev V. V. 2011. Komu prinadlezhit vlast’ na potrebitel’skikh rynkakh: otnosheniya roznichnykh setey i postavshchikov v sovremennoy Rossii [Who owns the Power in consumer markets: relations between retail chains and suppliers in modern Russia]. M.: Izdatel’skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.

9. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. 2022. *Chto my znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoy zanyatosti [What do we know about freelancers? Sociology of free employment]*. M.: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.
10. Balabanova E. 2022. "Abusive supervision in organizations: Power, dependency and employee voice in labour relations". In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). 2022. *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), pp. 122–145.
11. Beck U., Bonss W., Lau C. 2003. "The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypotheses and Research Programme". *Theory, Culture & Society*, vol. 20, no. 2, pp. 1–34.
12. Bogdanova E. 2022. "Power struggles and quality construction in the market for municipal rental housing in Sweden". In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). 2022. *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), pp. 171–187.
13. Bourdieu P. 1977. *Outline of a Theory of Practice*, Cambridge: Cambridge University Press.
14. Dąbrowski M. 2022. Interdependency of political power and economic governance: A macro perspective. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), pp. 14–35.
15. DiMaggio P. J. 1991. *The new institutionalism in organizational analysis*, Chicago Press 1 edition.
16. Fligstein N. A. 2012. *Theory of Fields*, Oxford University Press 1 edition.
17. Kesselring S., Schonewolf C. 2021. Ambivalent places of politics: the social construction of certainties in automated mobilities and artificial intelligence. In: *The Routledge Social Science Handbook of artificial intelligence AI*. Routledge 1st edition, pp 172–187.
18. Kosals L. 2022. Legitimation of innovation: The case of AI technology for facial recognition. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), pp. 80–101.
19. Kotelnikova Z. 2022. How brand holders have deprived counterfeiting of legitimacy in Russia since the early 2000s. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), pp. 217–236.
20. Kotelnikova Z., Radaev V. 2022. Introduction. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), pp. 1–13.
21. Ledeneva A., Radaev V., Kotelnikova Z. (eds). 2022. *Ambivalence: practices, patterns and particles of power. The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press).
22. Ledeneva A. 2014. *Beyond Russia's Economy of Favours: The Role of Ambivalence*. UCL: Centre for European Politics, Security and Integration.
23. Ledeneva A. 1998. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
24. Ledeneva A., Zusi P. 2022. Series Editors' Foreword. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), pp. 18–20.
25. Ledeneva A. V. 1997. "Practices of Exchange and Networking in Russia". *Soziale Welt*, no 48(2), pp. 151–170.
26. Logue D. 2020. *Theories of Social Innovation*. Edward Elgar.
27. Luhmann N. 1993. "Was ist der Fall?" and "Was steckt dahinter?" *Die zwei Soziologien und die Gesellschaftstheorie* Zeitschrift für Soziologie, no.22, pp. 245–260.
28. Merton K. R., C. Mongardini, S. Tabboni (eds.). 2018. *Robert K. Merton and Contemporary Sociology. Location* New York. Imprint Routledge.

29. Nikulin A., Kurakin A. 2022. Contradictions of centralization: Four models of interaction between Russian rural communities and government and agribusiness. *The Ambivalence of power in the twenty-first-century economy: Cases from Russia and beyond*. London: UCL Press.
30. Pobedonostsev A. Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). 2022. The pitfalls of rent-seeking: Alternative mechanisms of resource rent collection in Russia and Venezuela. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), pp. 31–58.
31. Radaev V. 2022. “The power of non-compliance: Inter-firm opportunism in Russian consumer markets”. In: Radaev, V. and Kotelnikova, Z. (eds). 2022. *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press), pp. 102–121.
32. Radaev V., Kotelnikova Z. 2022. *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: UCL Press.
33. Ryan R. M., Deci E. L. *Self-Determination Theory Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. The Guilford Press.
34. Shevchuk A., Strebkov D. *Beyond the state and digital platforms: (In)formalization of freelance contracting in Russia*. London: University College London Press.
35. Shevchuk A., Strebkov D. *Freelance Platform Work in Russia, 2009–2019*. ILO Working Paper. No 38.
36. Tepper J. B. 2000. “Consequences of abusive supervision” *Academy of Management Journal*, no 43 (2), pp. 178-190.
37. Ledeneva A., Bailey A., Barron Sh., Curro C., Teague E. (eds.). 2018. *The Global Encyclopaedia of Informality, Volume 1: Towards Understanding of Social and Cultural Complexity*. London: UCL Press.
38. Ledeneva A. (eds.). 2018. *The Global Encyclopaedia of Informality: Understanding Social and Cultural Complexity. Volume 2*. London: UCL Press.
39. Elliott A. (eds.) 2022. *The Routledge Social Science Handbook of artificial intelligence*. Routledge.
40. Tysiachniouk M. S., Teitelbaum S., Petrov A. N., Horowitz L. S., Radaev V., Kotelnikova Z. (eds). 2022. Private authority in regulating markets: Power dynamics around free prior and informed consent (FPIC) in forestry and the oil industry in Russia. *The Ambivalence of Power in the Twenty- First-Century Economy: Cases from Russia and beyond*. London: University College London Press (UCL Press).
41. Zh. Wenting, S. Su, Zh. Shou. 2017. “Social ties and firm performance: The mediating effect of adaptive capability and supplier opportunism”. *Journal of Business Research*, no 78, pp. 226–232.